

Иван Быков

ПУТЬ АГРАФЕНЫ

Глава 1. ИМЯ

*«Пифагор
намекает, что имена
[вещам] дает душа,
которую надо отличать
от ума».*

**«Антология
философии»**

*«Так и похоронил их
Конал в одной могиле и
положил один камень, на
котором письмом огама
начертал их имена».*

«Смерть Кухулина»

Итак, эта история началась в одном маленьком городе...

Жила в городке одна маленькая (под стать городку) девочка. Обычная девочка, как все: в меру симпатичная, в меру кокетливая, в меру смышленная. И не в меру егоза.

Родители не особо баловали дочь, но при желании (а возникало такое желание довольно

часто) девочка могла баловаться и сама, без родительской помощи.

Она бегала в одиночестве по лугам, ловила бабочек, пускала в многочисленные местные речушки бумажные кораблики. Забиралась в леса так далеко, пока страх не накатывал приятной волной, и тогда стремглав бежала на знакомые поляны, хрустя хворостом под ногами. Собирала гербарии, лазала по деревьям, пыталась погладить лис — в общем, совершала все возможные баловства, присущие детям ее возраста.

А возраст у нее был самый замечательный: пять лет и одиннадцать месяцев. Почти шесть.

Самым важным человеком в семье была бабушка. Звали бабушку Анастасия Егоровна, и все-все вокруг держалось на ней. Анастасия Егоровна выстроила семейный лом, благополучно довела мужа до беспробудного пьянства, а потом проводила в последний путь. Чуть поплакала, но не в ее традициях было расслабляться. Чуть расслабишься, и тут же власть в доме уведут из опытных рук многочисленные зятя, дядя и невестки.

Злые языки твердили, что смерть ее мужа, — это порча или сглаз местной ведьмы, с которой Анастасия Егоровна вступила в преступный сговор. Но весь городок относился к Анастасии Егоровне с глубоким уважением. Все понимали, что почтенной

матроне хватило бы собственной мощи, чтобы лишить мужа жизненных сил, и никакие ведьмы были бы ей для этого не нужны.

Так что даже кумушки-старушки на завалинках никогда не называли ее фамильярным «Егоровна». Только «Анастасия Егоровна».

И даже грубые, в недавнем прошлом деревенские, мужики пытались заменить имя-отчество обращением «Госпожа», да с поклоном. Однажды Егоровна раздраженно метнула в очередного такого ловеласа-льстеца живой курицей. Курицу потом вернули, но яйца-то остались.

А вот местную ведьму тут не чествовали. Во-первых, никто не знал ее имени. Вернее, предыдущего имени. Теперь-то ее звали не иначе как Ведьма.

Во-вторых, жила она одна (что в городке принимали за большущий недостаток, за душевную хворь), на отшибе, в последней хате, за рекой. А там как бы уже и не городок вовсе. Так, окраина.

В третьих, она молчала, не разговаривала ни с кем, смотрела на людей из-под полы шляпы.

И шляпа ее, и альба, которая когда-то была белой, и заплечная сума теперь впитали пыль многочисленных дорог. Это в-пятых, десятых, двенадцатых...

Но ведьму терпели: она врачевала, принимала

роды, предсказывала урожай. Вела себя тихо, пусть и была нелюдимой.

Девочке настало время получать имя. Трижды девочки получали имя в этом городке. Традиция завелась давно, никто не помнил ее истоки, а потому никто и не оспаривал, и наперекор не шел.

Рождалась девочка просто Девочкой. Лес, звери, насекомые и всевозможные хвори — все это служило теми порогами, через которые лодке Девочкиной жизни предстояло нестись шесть лет. Не каждая добиралась. Но, добравшись, получала имя...

Теперь нужно было привыкнуть носить это имя, потому что в двенадцать лет муж давал имя новое. И, наконец, с рождением сына она торжественно получала имя третье, окончательное. И только уйдя на покой, старуха становилась просто Старухой. Одна лишь Анастасия Егоровна имела такие права: именоваться именем-отчеством.

Исполнилось шесть лет. Пора было приступать к таинству. Анастасия Егоровна обрядилась в пышные одеяния, подобающие случаю, и торжественно, в сопровождении свиты, явилась в дом.

Было раннее утро. Даже не утро еще — только первые его предвестники, лучи. Но народу собралась целая уйма. В дом, конечно, пустили не всех. Толпа заполонила огороженный заборчиком

участок. И расположилась за забором.

Девочке было тревожно, волнительно и страшно. Грузная тетка в высоком головном уборе проникла сквозь дверной проем чинно и властно. Подол наряда стелился по полу, поэтому казалось, что Анастасия Егоровна плывет по воздуху, вовсе не касаясь ногами земли.

Девочка почувствовала, как коленки гнуться сами собой. Она рухнула в старый ковер, ушибив коленные чашечки. Холщовая ткань ее простенькой рубашонки натянулась и чуть не треснула. Обряд начинался.

— Сколько лет тебе, Девочка? — спросила Анастасия Егоровна, будто бы не зная. Спросила нежно и доверительно.

— Шесть, — ответила Девочка, как ей показалось, смело, почти дерзко.

— Твое имя... — начала Анастасия Егоровна от глубин груди. — Твое имя... — Задумалась на длинное мгновенье.

Кто мог поспорить с Анастасией Егоровной? Никто! Отец девочки, было, попытался, но тут же отошел и замолчал под пронзительным взглядом старушечьих глаз.

— Гарафена! — сказала Анастасия Егоровна с порога... И все смирились.

— Встань, — властная старуха потрепала новонареченную по подбородку, развернулась, как

разворачивается мельничный жернов, и скрылась темным силуэтом в рассветных лучах.

А свита осталась. Наперебой все бросились благословлять Гарафену, дарить подарки, поздравлять родителей. В мире стало больше на одного человека. И стало меньше на несколько сот трезвых людей. Начались народные гуляния.

Глава 2. ДОРОГА

«Этот путь приводит к таким легендарным якобы явлениям, как телесное прохождение сквозь предметы трехмерного мира, движение по воздуху, хождение по воде, мгновенное преодоление огромных расстояний, излечение неизлечимых и слепорожденных и, наконец, как наивысшее, чрезвычайно редкое достижение — воскрешение мертвых».

*Даниил Андреев.
«Роза мира»*

А потом началось лето. Жара-страда. Работы было много, а Девочке теперь приходилось работать наравне со взрослыми. Ведь теперь она обрела имя — Гарафена.

И все равно егоза иногда пробуждалась в ней. Так, она находила время спрятаться в высоких и ароматных фиолетовых льнах, принять на указательный палец случайную божью коровку и наблюдать за ее несуетливыми перемещениями по ладошке, чувствовать «топот» лапок до тех пор, пока далекое, но от того не менее пронзительное «Гарафена!» не возвращало ее к жизни.

И тогда Гарафена отпускала божью коровку в небо, к деткам, и отправлялась в городок — принимать неизбежное наказание.

Ее наказывали за безделье и праздность. Не били, но лучше бы уж били. Отец и мать усаживали Гарафену за общий стол. Со всеми родственниками. Усаживали в центре. В такие трапезы-наказания молчали все. Молчали и смотрели на Гарафену. Без укоризны, но с грустью.

В этой многовековой грусти, как в морских глубинах, таились труд поколений, старания матерей, неизбежный авторитет отцов. В грусти таилась история.

Хотелось Гарафене либо взлететь и оказаться за тысячи деревьев отсюда. Либо оказаться под

корнями этих деревьев, провалиться в почву. Но от таких наказаний спасения не было...

— Гарафена! — вновь услышала девочка, когда в один погожий день снова оказалась среди взрывов полевых цветов.

— Тут! — откликнулась девочка. — Бегу!

Встала, оправила рабочее платье — бежевый отрез материи, недлинный, — до колен, опоясанный зеленой лентой, простилась с муравьем, искренне пожелав ему донести добычу до муравейника. И пошла. Медленно, но все быстрее и быстрее, чтобы не дать себе передумать. Городок был за спиной, лес — перед глазами.

Немыслимое дело: жительница городка не откликнулась на зов родителей, пренебрегла обязанностями горожанки. Ее звал другой голос. Голоса. Голоса леса, дороги, одиночества, свободы.

Какое странное чувство — сжигать саму возможность вернуться. Вот еще есть время оборотиться, стать к городку передом, к лесу задом, направить стопы в сторону отчего дома. Но с каждым новым шагом эта возможность тает, испаряется, развеется в дым. Теперь голоса леса впереди звучали более объемно, чем глухие голоса городка за спиной.

Лай собак — вой волков; крик петухов — клекот хищных птиц; речь людей — шелест листьев; зовы «Гарафена!» — ничего не требующее

молчание леса. Там, позади, — там, впереди.

Хоженная дорога истончалась, превращалась в нить тропы. Потом стала просто примятой травой. А затем исчезла вовсе. Лишь кое-где исцарапанный валежник. Но были ли это зарубки охотников или следы медвежьих когтей — кто может знать. Только опытный следопыт.

Гарафена следопытом не была. Она умела слушать природу, но совершенно не умела выслеживать дичь. В какой-то момент стало страшно, захотелось сдаться, повернуть.

Ну, накажут. Пусть даже сильно накажут. Посидит за столом два-три часа пред грустными взглядами родственников. Пусть даже Анастасия Егоровна метнет в нее живой курицей. Пусть даже уткой. Пусть поросенком! Зато девочка останется жива. А тут, в лесу... Никаких гарантий.

Кроме того, Гарафена вдруг вспомнила, что не взяла с собой никаких съестных запасов — ни хлеба, ни вина, ни сыра. А было уже глубоко за полдень — сумерки падали одеялом на мир, и было им, сумеркам, все равно — город укрывать или лес.

Девочку стали обуревать мысли. Не добрые, не злые, а просто мысли. О том, что вот так, просто, одним движением души, она разорвала связи, которые делали ее быт уютным, стабильным, комфортным.

Куда идешь теперь ты, девочка Гарафена?

Веками жили твои предки — жили дарами природы, в гармонии с миром. По кирпичику возводили то, что принято называть цивилизацией. Любили, дрались, возвеличивали, наказывали. Писали законы и нарушали законы. Но городок был. Именно их стараниями — был.

А теперь ты одна. И, конечно же, тебя по-прежнему любят и ждут в твоём городке. А лес полон невзгод и опасностей, сюрпризов и капризов. Зачем, милая? Зачем?

Еще не поздно. Вон она — опушка леса. До нее еще идти и идти. Заночуй в поле, выспись, а завтра утром примешь решение. И, конечно, вернешься.

Но не заночевать в поле — найдут. Весь городок с многочисленными родственниками, с хозяевами и собаками, с факелами и криками, может быть, уже ринулся на поиски. И что тебе в том, что мало кто уснет сегодня в твоём городке? Что о тебе заботятся — в той или иной мере, но все твои сограждане, знакомые и незнакомые? Тебе надо бежать! Беги, девочка, беги!

И Гарафена побежала — не домой, а к лесу. Побежала, как будто спасаясь от лютых зверей. Вот только лютые звери были впереди, а за спиной — заботливые сердца. О! эти неразумные поступки! Не из них ли соткана вся наша жизнь? Многие из таких поступков ведут к гибели, и лишь единицы —

ко взлету на самые недосыгаемые вершины.

Но как узнать, где окажешься — в бездне или на пике, — если не свершать их, безумные поступки?

Гарафена бежала все быстрее и быстрее, опушка леса становилась все ближе. Действительно, где прятаться от темноты, как в не чаще леса? Сумерки — все плотнее, трава — все выше, холмы под ногами — все более опасны для бегущей. Гарафена мчалась к лесной опушке, как к спасению. Была уверена: там ее не достать никаким собакам, факелам, людям.

Пояс разметался вокруг талии двумя зелеными змейками. Бежевый отрез ткани теперь плотно, под напором ветра, облегал спереди и развевался плащом за спиной. Гарафена была похожа на голобедрую менаду-спартанку, несущуюся в лес за повелителем Дионисом.

А вот и звуки музыки. Кто там играет в лесной чаще? Это флейта Пана или кифары его спутников-сатиров? Кто бы ни был — к ним, в их круг, в их далекое от людской серьезности веселье.

Девочка уже возомнила себя женщиной и отправилась в путь. Назад не было дороги.

Глава 3. ПЕСНЬ

«Там, где кончается

государство и
начинается человек, не
являющийся лишним:
там начинается песнь
необходимых, мелодия,
единожды
существующая и
невозвратная».

Фридрих Ницше.
«Так говорил
Заратустра»

Из леса тихой волной плыла песня. Она одновременно напоминала колыбельную матери, сказку отца, рукопожатие друга, улыбку случайного прохожего. Гарафена невольно заслушалась и остановилась. И вдруг поняла, что песня-то — о ней самой.

Тускловато стало в
мире.
И решил: чего
терять?
Не проведать-ка мне
Ирий,
С Гарафеной
поболтать?

— Так это Ирий? — крикнула Гарафена в

темноту леса.

— Нет, конечно, — улыбнулся голос из темноты. — Какой же это Ирий, глупышка?

— Я не глупышка! — обиделась девочка. — У меня есть имя!

— И какое, позволь спросить? — вновь улыбнулся голос из темноты.

— Гарафена! — гордо ответила Гарафена.

— Ну, конечно! — как будто бы удивился голос из темноты. — Ну, здравствуй, девочка-дорога.

— Почему дорога? — удивленно спросила Гарафена.

Девочка стояла на месте, боясь сделать шаг. А вдруг там пропасть? Или бревно? Или обрыв к реке? Или лесная топь? Или охотничья ловушка на волков? Или... Да мало ли чего еще могло быть там, через шаг? Во мраке леса не было видно даже кончиков собственных пальцев.

— Так это не Ирий? — на всякий случай спросила Гарафена. Спросила очень важно, чтобы показать какой ответственной может быть семилетняя девочка, у которой уже год как появилось имя. А на самом деле — просто для того, чтобы остаться на месте.

— А что такое Ирий? — спросил голос вместо ответа.

— Ну... — замялась Гарафена. — У нас

Ирием называют край света. Место, где всем хорошо — и людям, и зверям.

— И для тебя опушка леса — это край света? — тепло рассмеялся женский голос, а потом будто бы спохватился:

— Да, понимаю: городок ваш ограничен именно этой опушкой.

— И вовсе нет! — обиделась Гарафена. — Наши охотники уходят далеко вглубь леса и приносят очень странных животных.

— Ладно-ладно! — примирительно успокоил голос. — Странных животных здесь действительно много. Просто и народов тоже великое количество, и каждый народ называет край света по-своему.

— Народов много? — не поверила Гарафена.

— Очень! — подтвердил голос. — И названия Ирия у каждого свое. А порой даже несколько. Например, в Скандинавии говорят Валгалла...

— А где это — Скандинавия? — уточнила Гарафена.

— Очень далеко на Севере, — мечтательно ответила загадочная вещунья. — А вот на Юге говорят Джаннат или Аль-фирдаус. На Востоке говорят Дзёдо или Сукхавати. Кто называет Ирий Парадайзом, кто Геннаг, кто Ханаан... Мы так проговорим до утра. Ты голодна, девочка-дорога?

— Да, — призналась Гарафена. — И я до сих пор никак в толк не возьму, почему Вы называете

меня, во-первых, девочкой, а во-вторых, дорогой.

— Ну, девочкой, — рассмеялся голос, — потому что тебе всего семь лет...

— У меня есть имя! — напомнила Гарафена.

— Знаю, знаю. Просто в моем мире имена дают от рождения.

— От рождения? — не поверила Гарафена. — Но зачем?

— Потому что в каждом имени заложен путь человека. Сколько бы ему ни было: день или век. А теперь иди к костру. Расскажу, почему ты девочка-дорога.

В темноте леса действительно воссиял огонек. Казалось, он был тут всегда. На огне стоял котелок, источавший аромат, которого Гарафене не доводилось чувствовать никогда в жизни. А у костра сидела очень знакомая женщина — Гарафена видела ее не раз в городке, то у базарчика, то у домов людей, пораженных хворью. Та же пыльная альба, та же широкополая шляпа. И даже та же дорожная сума у ног.

— Иди-иди, не обижу, — улыбнулась Ведьма. — Угощайся.

И было здесь все: и сыр, и вино, и горячий хлеб, и густой суп. Девочка забыла о своих вопросах и набросилась на еду. Ведьма рассмеялась.

— Так, историю про твое имя ты слушать не

будешь, тебе сейчас не до того. Может, продолжить песню? — предложила радушная хозяйка ночи.

Девочка радостно закивала — Ведьма пела теплым и глубоким голосом. Да и послушать песню про себя — тоже немалое удовольствие.

Вот сидим мы с
Гарафеной,
Я — о том, она — о
сем.

— Говори-ка
откровенно:
Тоже, мол, за
кирпичом?

Но только Ведьма закончила второй куплет, как Гарафена ее тут же перебила — очень некультурно, с набитым ртом:

— За каким таким кирпичом?

Ведьма с укоризной покачала головой, но ответила:

— У всех народов есть такая легенда, в которой рассказывается о предмете большой силы. Такой силы, что может изменить мир. Как в лучшую, так и в худшую сторону. Здесь его называют «синий камень». В других местах — Алатырь. Кто-то говорит Иггдрасиль, кто-то — Грааль, кто-то — Меру. У одних народов, в одни

времена, — это камень, у других — дерево, у третьих — чаша, у четвертых — гора. Это может быть животное или оружие, напиток или яйцо. Я могу продолжать песню?

Гарафена смущенно, извиняясь, пожала плечами и молча кивнула. Ведьма снова затянула:

Я устало отвечаю:
— Да пошто мне
Алатырь?
Он, конечно, ось
земная,
Ясень-Игыгыдрасиль

...

Тут Ведьма остановилась сама, прочитав в глазах девочки новые вопросы. Как на них не ответить? Ведьма пригласила к разговору взмахом руки. И Гарафена не заставила себя ждать. Зататорила:

— Как это, зачем ему Алатырь? Сами же сказали, что весь мир можно перевернуть. И почему ось земная? Разве такое бывает? И как это камень может быть ясенем?

Ведьма рассмеялась тихо — чтобы не разбудить обитателей леса.

— Со временем поймешь, — сказала она. — Или не поймешь, но тогда это будет не важно.

Петь? — И, не дожидаясь ответа, запела:

Не за белым не за
камнем
Я притопал на Буян.
Посуди, змея, куда
мне?
Не ползет в мой
карман.

— Конечно, не ползет! — рассмеялась девочка. — Он же — ось земная!

— Знаешь, моя дорогая девочка-дорога, — не выдержала такой бестактности хозяйка костра. Голос ее стал неожиданно суров. — А допою-ка я тебе в следующий раз. Теперь же иди спать. Вон там, на траве, у старого пня.

— А про имя? — попросила Гарафена.

— Завтра, все завтра! — и костер неожиданно погас, так же, как и появился в этом лесу.

Глава 4. ВЫБОР

*«Человек пытается
не ставить себя в
конфликтную
ситуацию? Это
означает, что он не*

осознает своего выбора между тем, что ему диктуют жадность и страх, и тем, что ему запрещает его совесть».

Эрих Фромм.

**«Анатомия
человеческой
деструктивности»**

Летняя ночь в лесу может стать для непривыкшего человека серьезным испытанием: от земли тянет, множество насекомых жаждут твоей крови, ночной ветер — не самое лучшее покрывало. Да и звери здесь разные. А ночные хищники — плохо умеют петь колыбельные.

Но Гарафена привыкла спать на траве. Клещей, комаров да муравьев, скорее всего, убаюкали Ведьмины чары. Погода выдалась тихая, звезд на небе были россыпи. Сверчки наперебой старались исполнить девочке свои лучшие партии. А хищники, наверное, ушли охотиться в иные места. Лежа на спине и рисуя созвездия в небе, Гарафена думала о своем.

О чем своем? О покинутом городке? О доме? О смешной дворовой собаке или домашней живности, которую нужно было кормить каждое утро? Об отце или матери? О грозной бабушке Анастасии Егоровне? О своем необдуманном

желании бежать?

И ведь бежала не от наказания, а куда-то, куда-то...

Нет. Гарафена думала о лесе, о том, что будет делать завтра. Думала о Ведьме с ее рассказами, о густом грибном супе с кусками дичи. Скоро эти мысли стали объемными и превратились в сны. Хорошие сны.

С первыми лучами солнца девочка открыла глаза — бодрая, отдохнувшая, в замечательном настроении. Вспомнила, что покинула вчера городок и загрустила. Но, как ни странно, даже мысли вернуться домой не возникло. Если решил идти — иди. Так что грусть эта была не о доме, не о прошлом. Девочка грустила о будущем: оно, будущее, казалось размытым абрисом далекого острова в рассветном тумане.

Островов девочка не видела никогда. Городок жил далеко от моря. Были реки, речные островки, лес, поля и горы. Но представляла себе эти далекие морские острова в форме загадочных животных.

Ведьмы нигде не было — видимо, отправилась по своим Ведьминым делам. Промелькнула даже мысль, что Ведьма ушла в городок — возвращать девочку родителям.

Но кувшин с вином, краюха хлеба и несколько аппетитных колбасок лежали на скатерке, заботливо расстеленной на старом пне. А поэтому

все глухие мысли тут же развеялись.

Вино в городке пили с малых лет, как ключевую воду. Традиция. Ах, да! Вода! Девочка прислушалась, уловила направление, откуда доносилось журчание потока, и направилась к речке.

Пологие склоны, чистая проточная вода приятно освежили, наполнили тело силой, а разум — чистотой. О речных обитателях, которые могут быть опасны, Гарафена как-то и не подумала.

Когда девочка наплавалась, нанырлась и наплескалась всласть, то вернулась к берегу. Здесь ее уже ждала улыбающаяся Ведьма и подавала ей незатейливую одежду — отрез бежевой ткани да зеленый пояс. И еще белую простынь, чтобы промокнуть тело и убрать лишнюю влагу.

Ведьма сегодня выглядела иначе: ее альба была белоснежной до боли в глазах, шляпа тоже сияла небесно-голубым, да и сама Ведьма казалась на полвека моложе. Гарафена невольно замерла, стоя по колено в ласковых прозрачных струях теплой реки. Засмотрелась.

— Доброе утро, девочка-дорога, — радушно улыбнулась ночная хозяйка. — Отомри и вытирайся.

— Ну вот, опять эта дорога, — Гарафена благодарно приняла вещи, завернулась в простыню, а потом и быстро оделась. — Может, все-таки

расскажете?

— Конечно, — кивнула Ведьма. — Обещала же вчера. Идем завтракать. Там и поговорим.

Гарафена закусывала колбасу хлебом, запивала вином прямо из небольшого кувшина и ждала, когда же Ведьма продолжит петь. Но хозяйка петь сегодня не собиралась. Зато она выполнила свое обещание: заговорила о дороге. Вернее, об имени.

Как оказалось, имена даются не просто так, не по прихоти, не по велению властной бабушки Анастасии Егоровны. Как оказалось, имя — это не просто набор звуков, на который откликается тот или иной человек. Имена имеют значения. В какой-то момент человек встречается со своим именем, и они проникаются друг другом: человек именем, а имя — человеком.

— Тебя нарекли Гарафеной, — начала Ведьма. — Имя древнее, пришло из далеких стран, которые тебе пока незнакомы, из глубоких времен, в которых тебе уже не побывать. В каждой стране, где жило твое имя, в каждом времени люди наделяли его разными качествами, а значит, придавали ему разные силы. И каждый народ считал твое имя своим, исконным. Теперь уже и не разберешься, где его, твоего имени, родина.

Была когда-то такая древняя империя — Рим. Римляне считали, что имя твое родилось у них, и

только у них. Да и значение его связано именно с рождением. Звучало твое имя несколько иначе — Агриппина. И обозначало «ребенок, родившийся вперед ногами». Чувствуешь связь с дорогой?

— Нет, — честно призналась Гарафена.

— Родилась вперед ногами — вот и топай ими по миру, — улыбнулась Ведьма. Посмеялись на двоих.

Но есть и еще более древний народ — греки. Вернее, более древняя империя. Хотя сами греки считали себя демократами и империей не называли. Греки тоже считали это имя своим. Но придавали ему совершенно другое значение: «дикая лошадь». Тут уж связь с дорогой очевидна.

Гарафена кивнула — да, лошадь и дорога — это очень близко.

— Хотя тебе ближе не «дикая», а «вольная» лошадь, — улыбнулась Ведьма. — А вот потом имя пошло гулять по миру, по странам, народам и языкам. Агриппина, Агриппа, Аграфена, Огрифина, Фрефина, Гарафена...

— Это я! — радостно узнала свое имя девочка.

— Это ты, — согласилась Ведьма. — Значение имени Гарафена еще более наполнено смыслами. Это и «горюющая»; это и «дорога Солнца»...

— Дорога Солнца? — не поверила Гарафена.

— Именно так, — подтвердила, кивнув, Ведьма. — «Га» в твоём имени — это «дорога». Так же, как и «га» в самом слова «дорога». «Добрая дорога» — «добро-га». Так же, как и «га» в слове «сварга» или в слове «Волга».

— Я не знаю этих слов, — смутилась Гарафена.

— Волга — река такая, — охотно пояснила Ведьма. — Широкая, полноводная. Вдоль этой реки шли торговые маршруты, волы тащили грузы. Вот и назвали реку «Дорога волов», Вол-га.

— А Сварга? — заинтересовалась Гарафена.

— Сварга — это дорога Солнца, — пояснила Ведьма. — Свар-га.

— Так это же я, Гарафена, — дорога Солнца, — запротестовала девочка. — Вы сами так только что сказали.

Ведьма рассмеялась — весело и задорно.

— Понимаешь, — сказала Ведьма уже серьёзно, отсмеявшись, — в разных языках...

— В разных языках? — удивленно перебила Гарафена.

— Есть много народов, — терпеливо напомнила Ведьма. — У каждого народа свой язык. Некоторые языки очень похожи друг на друга, некоторые разнятся. Так вот, в разных языках Солнце называют по-разному. «Солнь» — очень древний корень. Его происхождение уходит в

неимоверную толщю веков. Ты — тоже дорога Солнца. Га — дорога, Ра — Солнце. Только у другого народа, у египтян.

— У египтян... — поникла Гарафена. — Сколько же еще мне нужно узнать. Я же не видела ничего, кроме нашего городка, нашего леса, наших полей, гор и рек. И наших людей.

— Не всегда обязательно видеть, — успокоила Ведьма. — Ты сама — целый мир. Начни с себя. Пока не познаешь себя, не стремись в чужие места — проглотят, как дикие звери. К встрече с другими мирами нужно быть готовой, быть сильной. А увидеть другие миры всегда успеешь. Вот река — плыви. Вот земля — иди. Вот воздух — лети.

— Лететь? — удивилась в который раз Гарафена.

— Можешь и лететь, — улыбнулась Ведьма. — Нужно просто сделать выбор.

— Но я не умею летать! — возразила Гарафена.

— Пока не попробуешь — не узнаешь, — загадочно улыбнулась Ведьма. — А пока ты заканчиваешь завтрак, я расскажу тебе сказку про Гарафену.

— Про меня? — обрадовалась девочка.

— Кто знает? — улыбнулась Ведьма. — Может, и про тебя.

Глава5. ЗМЕЯ

*«Знание — краса
величайшая в людях!
Радость с собою
несет оно, счастье и
славу!
Помощь окажет оно
на чужбине,
Знание выше
богатства, сильнее всех
богов!
Даже цари
признают превосходство
науки!
Тот же, кто знаний
лишен,
Тот прозябает, как
зверь!»*

Бхартрихари

Гарафена зачаровано слушала, как Ведьма тихо и искусно плетет слова, и слова эти, держась за руки, перетворяются в дивную историю о Царице Змей.

В стародавние времена — теперь уже и не упомнишь — не было еще людей ни в одном из миров. Звери жили мирно, но вот начались у них споры-раздоры. Кто сильнее, кто мудрей, кто больше, кто хитрее. И споры до драк доходили, до кровопролитий. Но вот одна мудрая змея восползла на самый высокий камень и воззвала к звериному народу.

— Это была Гарафена? — догадалась девочка.

— Как только не называли ее в разных звериных стаях. И Скарапея, и Скоропея, и Скороспел, и Шкуропея, и Прасковея, и Карачалка, и Скорпея, и Переярия. И, конечно, Гарафена. Именно тогда ее и прозвали «горюющая», потому как очень горевала она о ссорах и раздорах, что вспыхнули в зверином народе.

— А камень был Алатырь? — обрадовалась своей догадке девочка.

— Называли его и Бел-камень, и Алатырь, и гора Меру, и гора Олимп, и Белый яшень, и Древо Бодхи, и Мировое дерево, и еще многими именами-прозвищами.

И воззвала Гарафена к перемирию. Но звери были злы — слишком уж много времени провели они в распрях. И разорвали бы они Гарафену в клочья, если бы внезапно не спустились с неба четыре птицы поменьше и одна, пятая, огромная, как туча.

— Четыре птицы? — прошептала девочка.

— Я тебе потом про них расскажу. И даже познакомлю, — пообещала Ведьма. — А вот с пятой птицей знакомить не буду — очень страшна. Это прародительница всех птиц во всех мирах.

А пока только скажу, что крикнула самая большая птица в гневе на зверей, и разразилась невиданная буря. Звали эту пятаую птицу Стратим, и была она владычицей всех морей и океанов. Один взмах ее крыла топит корабли, один крик ее будит всех тварей морских.

— Такое бывает? — не поверила Гарафена.

— Это же сказка, глупенькая ты девочка, — прищурилась Ведьма. — Но слушай дальше.

Притихли звери. Задумались. Морские — так вообще попрятались в глубинах — буря же невиданная. Только самый большой морской зверь — Кит — выбрался на берег. И самый большой земной зверь — Индрик — встал рядом с ним.

— Что за зверь такой, Индрик? — спросила девочка.

— Его теперь мамонт называют. Большой лохматый слон, — пояснила Ведьма. — Были и другие большие звери, да думали они плохо: тело большое, а мозг маленький. Так что в совещании зверей у камня они не участвовали. Жевали травку вдалеке. Потому и вымерли. Не осталось их совсем.

— Ага, — важно кивнула Гарафена со

знанием дела. — Большой лохматый слон.

Слонов она тоже никогда не видела, не то что мамонтов, но спрашивать дальше было как-то стыдно.

— Расположились рядом Кит и Индрик, — продолжила Ведьма, — и все остальные звери почтительно расступились.

Стратим взвилась над головой Гарафены и парила там в восходящем потоке ветра. Да что там! Она сама порождала ветер. А другие четыре птицы молча построились перед Гарафеной со всех четырех сторон, расправили крылья и сомкнули их неодолимым щитом. Так Гарафена получила защиту от любой напасти. Верное воинство свое. И когда буря, поднятая криком птицы Стратим, поутихла, заговорил Кит.

— Думаю, друзья-звери, нам нужно прекратить ссоры. Права Гарафена. Только кто же нас рассудит, если спорить начнем вновь?

— Только самая мудрая из нас, — поддержал Кита Индрик. — Нам нужна царица. Судья и правительница.

— Или царь! — рыкнул из толпы Лев, но тут же стих, когда Стратим-птица обратила взор в его сторону.

«Га-ра-фе-на! Га-ра-фе-на! Га-ра-фе-на!» — принялись скандировать звери на все голоса.

— Так тому и быть, — раздалось с небес. И

хоть пыталась птица Стратим говорить тихо, но вновь пронесся ураган по окрестностям.

— Царице нужен дворец, — сказал Индрик. — Нужен трон. Нужна стража. Нужны слуги.

Засмеялись тогда все четыре птицы — есть, мол, уже это все — и дворец, и трон, и стража, и слуги. Две птицы подхватили Индрика за густую длинную шерсть. Другие две — Кита под хвост и плавники. Да подхватили аккуратно, чтобы не поранить. А сама птица Стратим нежно, как мать дорогое дитя, взяла в клюв змею Гарафену, и все птицы, взмахнув крыльями, тут же оказались там, где и по сей день живет инорокая огненная змея Гарафена в окружении преданных ей зверей. Кит бережет воды, Индрик — землю.

— Где? Где оказались? — нетерпеливо затараторила девочка. — И что значит «инорокая»?

— Как много вопросов, — улыбнулась Ведьма. — По порядку, да с другой стороны. Много значений у слова «инорокая». Это и от слова «инок», что значит «один». Одинокая она, и никогда не будет у нее родственной души.

— Как и у Вас? — вдруг поняла Гарафена, но Ведьма пропустила вопрос.

— Это и от слов «иной рок» — другая судьба. А тех, у кого иная судьба, сразу можно отличить по иному взору — насквозь тебя видят.

— Змея Гарафена смотрит насквозь? — девочке стало боязно.

— Змея Гарафена живет насквозь. Насквозь всех существ, всех миров, насквозь времени и пространства, — подтвердила Ведьма.

— Ух, ты! — восторженно воскликнула девочка. — Вот бы увидеть ее!

— О, это опасная затея! — покачала Ведьма головой. — Встретиться с Гарафеной — это все равно что оказаться перед греческой Сфинкс, индийской Пурушамригой или египетской Шепсес-Анх.

— А что в этом особенного? Что опасного? — уточнила девочка.

— Вопросы, — пояснила Ведьма. — Все они задают тебе вопросы. Чтобы ответить на вопросы, нужны знания, смекалка и... душа. Ответишь — проси ту вещь, что дарит силу.

— А не отвечу?

— Прощайся с жизнью.

— Гарафена такая злая? — расстроилась девочка.

— Она справедливая, — возразила Ведьма. — Если ты пришел (или пришла) за могучей силой, которая даст тебе неограниченную власть, то докажи, что ты этой силы достоин. А то таких дел можешь наворотить. Весь мир погубить можешь. Знаешь, сколько таких искателей Грааля? А так

один разговор с Гарафеной — и на одного искателя меньше.

— Так где живет теперь Гарафена? — вспомнила девочка, о чем спрашивала раньше.

— На острове, — ответила Ведьма.

— На каком острове? — настаивала девочка.

— У него много имен, — пожалала плечами Ведьма. — Самое известное — Буян. Но называли его и Китеж, и Березань, и Рюген, и Руян, и Бурун, и даже Майдан. Не важно, как называешь место силы. Важно, откроется ли оно тебе. Да и выживешь ли, попав туда, куда так стремился.

— Так место силы — это же Алатырь, — решила уточнить Гарафена. — А он остался там, где собирались звери выбирать царицу.

Ведьма снова рассмеялась.

— На то он и средоточие силы, что ему не важны ни время, ни пространство. Он всегда там, где нужен.

Глава 6. ПОМОЩНИКИ

«И на будущее время я советую вопреки нашему обыкновению не принимать в союзники таких народов, которым в беде мы должны

*помогать, но от
которых в случае нужды
нам самим не получить
помощи».*

Фукидид.
«История»

— А каково Ваше настоящее имя? — спросила Гарафена с искренним интересом. — Вы же не всегда были Ведьмой.

— Это и есть мое настоящее имя, — Ведьма потрепала Гарафену по все еще влажной после речных купаний голове. — Мне другого не нужно.

— Но Вы сами говорили, — настаивала девочка, — что имя должно иметь значение. Говорили, что в Ваших краях имя дают при рождении, чтобы его значение и человек как бы проникли друг в друга.

— Так и было, — подтвердила Ведьма. — До тех пор, пока я не поняла свою истинную суть. Не без наставника, конечно. Теперь я Ведьма.

— Хм, — задумалась Гарафена. — Кто ж добровольно захочет быть Ведьмой? Жить вдали от людей, ловить на себе косые взгляды. Быть изгоем. Тяжелое у Вас имя. Темное.

Ведьма рассмеялась — как обычно, звонко, почти по-детски.

— Темное имя, говоришь? И что же оно,

по-твоему, обозначает?

— Вредить, наверное, — честно призналась Гарафена.

— Ведать, — исправила Ведьма. — Знать. А знание — это свет. Так что имя у меня самое что ни на есть светлое. А вот «добровольно» ли — это уже другой вопрос. Не все в жизни человек делает по своей воле. Есть силы, против которых нам не выстоять. Порой нужно отдать себя течению судьбы. А вот по поводу изгоя ты права. Те, кто знают, а не делают вид, что знают, — всегда одиноки. Мы уже говорили об этом.

— А можно, я останусь у Вас? — наивно спросила девочка. — И Вы не будете одиноки. И я не буду одинока...

— Ты, девочка-дорога, уж точно не будешь одинока, — улыбнулась Ведьма. — Подожди всего минуту. Они уже в пути.

— Мне нравится, когда Вы меня так называете, — призналась Гарафена и протяжно повторила:

— Дорога! А можно я тоже буду себя так называть?

— Конечно, — «позволила» Ведьма. — Это же часть твоего имени.

— Га, — попробовала на вкус Гарафена. — Я буду звать себя Га. А кто уже в пути? Кто будет через минуту?

— А вот они, — ответила Ведьма и широко повела рукой.

Га взглянула на ту поляну, в сторону которой указала Ведьма, и попятилась в страхе. Трудно было подобрать слова, чтобы описать три создания, представшие перед изумленным взором испуганной девочки.

Все три существа были похожи друг на друга и при этом различались, как, скажем, похожи и различаются ворон, лебедь и морская чайка. Похожи тем, что их женские лица и обнаженные груди были прекрасны. А вот различий было не счесть.

Первая «птица» сидела на траве, сложив крылья так, что их вовсе не было видно, но широко взъерошив яркие, переливчатые перья. Блеск перьев был изменчив и беспокоен, полон броских цветов и мягких полутонов, то ослеплял глаз, то успокаивал, и в пестроте этой девочка Га все не могла уловить никакой закономерности, никакого порядка. За спиной создания раскинулся впечатляющий размерами хвост такой же беспокойной окраски. И странное дело: Га казалось, что «птица» то полностью теряет человеческий облик, то вдруг обретает совершенно человеческие черты и действительно становится прекрасной обнаженной девой.

Вторая птица-дева, наоборот, раскинула великолепные крылья. Крылья дрожали так, будто

она вот-вот собиралась вновь оторваться от земли и скрыться в неведомых далях. Перья сияли бело-желтым огнем, как сияет солнце, если глянуть на него сквозь прищуренные глаза. От оперения была свободна не только белая грудь, как у двух других птиц, но и гибкое тело до тонкой талии. По щекам создания непрестанно катились крупные слезы. И что показалось Га особенно странным — рот птицедевы был перевязан широкой черной атласной лентой.

Третье создание было настоящим чудом. Дева улыбалась, отчего сердце наполнялось радостью. Наверное, именно эта третья птица не дала девочке-дороге умчаться назад, в родной городок, к отцу и матери, к суровой бабке Анастасии Егоровне. Взгляд третьей птицедевы был добр, нежен, исполнен мудростью. Он успокаивал и сулил счастье. В русых волосах, заплетенных в могучую косу, красовалась золотая корона. Оперение было цвета небесной лазури. Но самое удивительное, что из-под крыльев, как из-под плаща-накидки Анастасии Егоровны, скрещивались воздушные, грациозные руки. В тонких пальцах правой руки птицедева небрежно держала невиданный ранее девочкой ярко-алый цветок.

Все три птицедевы смотрели на Га, но каждая по-своему: переливчатая — внимательно, изучающе; огненная, та, что с черной лентой на

губах, — скорбно, как бы проливая свои непрерывные слезы именно по девочке Га; небесно-голубая — с нежным ободрением. Птицедевы смотрели на Га и молчали.

— Не бойся, милая девочка-дорога, — улыбнулась Ведьма. — Это мои друзья. А с этих пор — и твои друзья. Друзья и помощники в пути. Давай я тебя с ними познакомлю. Их-то с тобой знакомить не нужно, они и так знают о тебе больше тебя самой.

Вот эта птица всех цветов палитры мира, бескрылая, но с огромным хвостом носит имя Гамаюн. Не смотри, что она так сурово насупила брови. Она хоть и не добра, но справедлива...

— Как змея Гарафена? — вспомнила Га, снова перебив свою гостеприимную хозяйку.

— Как змея Гарафена, — вновь улыбнулась Ведьма и кивнула, не обратив внимания на невежливое поведение девочки. — Только имя ее происходит от слова «гомонить». Действительно, Гамаюн — любительница поболтать. И не бойся услышать ее голос. Наоборот, внимай каждому слову. Она видит будущее и сможет указать тебе верный путь. Она знает все на свете. Так что если будешь слушать особенно внимательно, если очень захочешь, то может и тебя научить ведовству.

— И я смогу стать Ведьмой, как Вы? — восхитилась Га.

— Сможешь, — кивнула Ведьма. — Но, думаю, тебе уготована другая судьба. Птица Гамаюн знает вернее.

— Так давайте спросим у нее! — чуть ли не потребовала девочка.

— Нет, — покачала Ведьма головой. — Гамаюн нельзя ни о чем спрашивать. Если захочет, то сама споет тебе песню. Или промолчит, если решит, что тебе о чем-либо знать не нужно. Давай лучше расскажу тебе о другой птицедеве, вот этой, бело-огненной.

— Почему у нее рот перевязан лентой? — спросила Га.

— Потому что ее песен тебе лучше не слышать никогда. Путь ее песни слушают твои враги. Это твой страж в пути, птица Сирин. Она тоже поет о будущем, но только о бедах и несчастиях. Тот, кто услышит ее песню, лишается разума. И даже если успеет заткнуть уши, все равно забудет о себе, цели пути, о сне и пище. Будет блуждать по лесам и пустыням, пока не падет мертвым.

— А почему в ее глазах так много слез? — прошептала Га.

— Сирин скорбит о тех, кто умер по ее вине. Она вовсе не желает убивать. Но такова ее суть, такова ее природа и назначение.

— Так же, как Ваша суть — ведать, быть

Ведьмой?

— Именно так, — подтвердила Ведьма. — У каждого своя суть.

— А какова моя суть? — вдруг насторожилась Га.

— А вот это тебе и предстоит выяснить в дороге, — сказала Ведьма и вновь нежно потрепала девочку по голове.

Неожиданно пролился тягучий ручей мелодии, рассыпавшийся дождевым каскадом звонких капель. И так стало хорошо девочке Га, так тихо, так счастливо, так светло. Даже ветер, даже шелест листьев в кронах, даже недалекое журчание лесной речушки — все влилось в эту чудную мелодию и сложилось в слова:

Вкус яблок на губах.

Мой голос тих и

прост.

Душа твоя в цветах.

Ликует Алконост.

— Вот она сама и представилась, — улыбнулась Ведьма и повела рукой в сторону небесно-голубой птицедевы. — Это твоя тихая гавань в любых бурях. Когда поет птица Алконост, даже морские волны превращаются в мягкую перину. Если, конечно, не запоет птица Стратим.

Последние звонкие капли песни все еще наполняли воздух над поляной. Птица Алконост подбросила алый цветок — даже не подбросила, а просто отпустила — и легонько подула. Цветок плавно двинулся в сторону девочки и лег ей на волосы. Алый всплеск тут же стал будто бы частью девичей челки. Без каких-либо креп он впелся в тяжелые темные волосы.

— Это ее подарок, — залюбовалась Ведьма. — Знак счастья.

Глава 7. ВЕЧЕ

«Когда так шумит толпа, состоящая из граждан и черни, ее крики не выражают ничего, кроме слабости и раболепия».

Корнелий Тацит.
«История»

На центральной площади городка возвышалась башня. Огромный столб толщиной в полсотни древних дубов, сложенный из «речного» камня — пористого, почерневшего от времени и поросшего мхом — как и положено, с северной стороны. Не было в башне ни окон, ни смотровых

амбразур, ни каких-либо других проемов. Лишь одна тяжелая двустворчатая дверь из красного ясеня с южной стороны.

Можно было бы сказать, что эта башня — неприступное оборонительное сооружение. Вот только обороняться было не от кого — врагов у городка не было — ни реальных, ни придуманных, никаких. Башня на центральной городской площади служила совсем иным целям.

Когда происходили в городке события вселенского масштаба — свадьбы, похороны, именины, рождения детей и сбор урожая, — когда необходимо было общее собрание всех горожан, то по бесконечной винтовой каменной лестнице взбирался старик Пратеник. Он довольно резво для своего почтенного возраста пропускал под крепкими ногами стертые до блеска ступени. И кто бы видел этот отраженный блеск, если бы не коптящий смоляной факел в руке старика.

Такие факелы — про запас — были связками разложены через каждые сто ступенек. Не было внутри башни ветров и сквозняков, но вдруг споткнется старик, вдруг уронит свою важную ношу — не возвращаться же с полпути, не терять же драгоценного времени.

Плоская крыша башни была накрыта конусом черепичного навеса. Сверху обожженная глина черепицы была засижена голубями — никто и не

думал чистить ее, кроме дождя да ветра. Снизу черепица была покрыта толстым — в несколько пальцев — слоем сажи. Ее тоже никто не счищал — незачем было: иногда сажа отваливалась целыми пластами, рассыпалась на куски.

Особенно часто это случалось, осенью во времена гроз, когда по черепице лупил «перепелиный» град. И тогда старик Пратеник сгребал черные комья лопатой в ведра и сносил их по одному в яму, вырытую неподалеку от площади. Два ведра сразу Пратеник нести не мог — в одной он должен был нести факел. Без этого источника света внутри башни царила бы крошечная сырая тьма.

Под конусом навеса, в центре плоской крыши, был выложен внушительных размеров деревянной колодец с влажными листьями внутри. Колодец был присыпан у основания сухой соломой.

Как только в дни всеобщих городских сотрясений старик Пратеник взбирался на последнюю ступеньку лестницы, как только, открыв дощатый люк, он кротом из норы выбирался на крышу, он тут же воспламенял факелом солому, та разогрела дрова, а поленья, в свою очередь, передавали тепло влажным листьям. Из деревянного колодца столбом начинал валить едкий густой дым, рассыпался под конусом черными тучами и вздымался в небо.

Пратеник деловито и хитро, как заправский маг, подкидывал в пылающий костер тайные ингредиенты, отчего дым становился иссиня-черным крылом сказочного ворона. Взмах этого черного крыла был виден со всех сторон городка. На башне поднимали черный флаг. Флаг звал на вече.

Сегодня было ветрено. Ветер трепал «полотнище» сигнального флага и рвал его в клочья. Но народ видел, народ волновался, народ городка спешил на площадь. Ремесленники и землепашцы, охотники и рыболовы, пчеловоды и садовники, пастухи и виноделы... И, конечно, поэты. Как без них? Кто же будет потом слагать песни о том событии, ради которого старик Пратеник взобрался на сигнальную башню?

Медленно и величественно плыла над землей в сторону площади Анастасия Егоровна. Следовали за нею почтенные матроны, подарившие городу немало сыновей и дочерей. Понуро брели следом за важной процессией Егор и Настя, отец и мать Гарафены.

Толпа множилась, гудела ульем, сбивалась в плотный монолит. Подходили группами и по одному. Собирались по домам, по улицам, по-соседски. Как жили, так и стояли на площади.

Все зачем-то, задрав головы, наблюдали за стаями черных хлопьев сигнального дыма.

Шепотом обсуждали их полет. Ждали.

Дождались. Расступились, пропуская процессию. Анастасия Егоровна кивала еле заметно — направо и налево, приветствуя свой народ. Горожане кланялись — без подобострастия, не в пояс, но уважительно и радостно. Анастасию Егоровну в городке любили. Была она сурова, но справедлива, немногословна, но говорила всегда вещи важные и нужные.

Любили не как правительницу — не было в городке ни правительниц, ни правителей. Так же как и не было стражников, воинов, управляющих. Не было служивого люда, не было казенных должностей. Зачем? Каждый знал свой двор и был в этом дворе королем, царем и императором.

Когда наступала страда, все собирались единою рабочей гурьбой. Справлялись сообща, веселились всем миром. Так же всем миром и грустили, если что. Так же и мерковали-думали.

Спорили? Конечно, спорили. Кто ж не спорит? В своем дворе споры и решали. В одной семье муж — голова, в другой — жена, в третьей — мыши да тараканы. Личное дело каждого.

Двор на двор спорили редко. Да и как тут поспоришь, когда соберутся соседи, посмотрят на крикунов-драчунов с укоризной, вразумят-посоветуют. А там, глядишь, уже столы на улицу тащат, скатерти. Из погребов-подвалов

наливки достают, закрутки, настойки, копчения. И еще лучше прежнего дружить начинают. А уж если совсем что сложное меж людьми пробежит, так на то есть авторитет мудрой бабки.

У двустворчатых дверей сигнальной башни Анастасия Егоровна остановилась и развернулась к горожанам. Заговорила тихо, так, что слышали только стоящие рядом. Толпа окружала башню, заполняла всю центральную площадь. Слова Анастасии Егоровны передавали из уст в уста, они разбегались, подобно кругам на воде от брошенного камня.

— Случилось то, — начала Анастасия Егоровна без всяких церемонных обращений, — что никогда не случалось в нашем городе.

Народ ахнул глухо и тихо — так бухает споровый лопух, когда созревают его бутоны.

— Пропал человек, девочка, звать Гарафена. Год, как имя получила, — продолжала Анастасия Егоровна ровно. — Видели, как сама в лес побежала. Звали ее, но бежала, не откликалась. В лесу девочка затерялась, искали — найти не смогли. Удивительно это, непонятно.

— Ведьма это, — вдруг буркнул Егор, стоявший за спиной матери.

— Ведьма, она, точно, Ведьма, — россыпью простучало по толпе, как горсть гравия, брошенная на пыльную дорогу.

— А где она, Ведьма? — выкрикнул кто-то из толпы, и тут же собрание загомонило градом: где? где она? где?

— Пропала и Ведьма, — сообщила Анастасия Егоровна. — Нет никого в ее доме, пусто со вчерашнего дня. Так что может, и Ведьма. Мы не знаем. Но обязательно должны выяснить. И найти их: и Ведьму, и Гарафену. В первую очередь, Гарафену. Ведьма — человек пришлый. Откуда явилась — не знаем, где имя получала — не ведаем. А Гарафена — наша. В нашем городе родилась, в нашем городе выросла, я сама девочку первым именем нарекла.

Говорила почтенная седовласая женщина медленно, так, чтобы ближние успели передать следующим, те — своим соседям, и так — до самого крайнего круга людей, собравшихся на вече. Не в первый раз выступала Анастасия Егоровна перед народным собранием, знала все тонкости этого мудреного дела. Может, и за это умение «говорить в многолюдье» так уважали горожане бабушку Гарафены.

— Следопытов! — выкрикнул кто-то из толпы, и тысячи голосов подхватили: «Следопытов! Следопытов!»

— Надо послать всех следопытов, — взмолилась Настя, мать Гарафены. — Во все уголки леса.

— Если девочку прячет Ведьма, то следопыты не помогут, — резонно остановила споры Анастасия Егоровна. — Тем более следопыты нужны городу — без них не будет добычи, наши столы оскудеют. Но мы пошлем трех следопытов. Только не в лес, а в горы.

— Зачем? — ухнула толпа. — Горы? Зачем горы?

— В горах следопыты постараются найти того, кто нам поможет, — спокойно ответила Анастасия Егоровна. — Того, кто сумеет отыскать Ведьму, развеять ее чары и привести Гарафену домой.

И тут зашелестело, засвистело недобрый ветром над толпой:

— Босоркун. Босоркун! Босоркун...

— Босоркун, — кивнула Анастасия Егоровна. — Горный король. Что ему Ведьмин обман, когда злее, чем он, нет духа ни в горах, ни в полях, ни в лесах? Наш город не оставляет в беде своих жителей. Особенно — детей, еще не получивших второе имя. Готовы ли вы отправиться в путь и вернуть Гарафену ее родителям? Знаю, все следопыты почтут за честь. Но мы выберем трех лучших.

— Я готов! — пробился к воротам сигнальной башни следопыт Траг.

— Я готов! — уже стоял с ним рядом

следопыт Налаз.

— Я готов! — встал третьим в ряд следопыт Пошук.

— Я готов! — Егор замкнул ряд, встав четвертым.

Анастасия Егоровна долго смотрела на сына тяжелым взглядом, но наконец кивнула:

— Отец Гарафены вправе идти. Собирайтесь.

Старик Пратеник еще не успел разбросать тлеющие листья и «убить» черный дым на крыше сигнальной башни, а четверо путников уже покидали город и начинали долгое восхождение по выгнутому кошачьей спиной острому гребню — там пролежала опасная тропа к затаившемуся в складках пограничных скал пещерному убежищу горного короля.

Глава 8. НАПРАВЛЕНИЕ

*«Можно ли
ожидать, что
молодежь, бедные и
несчастные люди,
сумеют устоять перед
этим крахом и
запустением, если он
пропагандируется теми,
кто определяет
направление развития*

*современного
общества?»*

Эрих **Фромм.**
**«Анатомия
человеческой
деструктивности».**

— Тебе пора в дорогу, девочка Га, — улыбнулась Ведьма. — Есть два пути — назад, в город, и...

— И? — нетерпеливо спросила Га, не дождавшись продолжения.

— А вот это уже тебе решать, — пожала плечами Ведьма. — Откуда же мне знать, куда ты отправишься, девочка Га?

— Ну, уж точно, не в город, — отрезала Га.

— Почему же? — резонно удивилась Ведьма. — Там твои родители, Егор да Настя. Кстати, знаешь, что означают их имена?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Очень теплые и добрые имена у твоих родителей, — заверила Ведьма. — Отец твой земледелец...

— Да, он работает в поле, — кивнула Га.

— Таково значение его имени, — звонко рассмеялась Ведьма. — В одном далеком краю именно так называли всех земледельцев. В том же краю имя твоей матери прозвучало бы как

«вернувшаяся к жизни». Может, и ты вернешься к той, что дала тебе жизнь?

Га серьезно задумалась. Лучиком сверкнуло желание возвратиться домой, к привычному укладу, в родные стены. Обнять маму и папу, виновато склонить голову под тяжелым взглядом Анастасии Егоровны... Но нет! Девочку тянуло в дальние дали, неведомые, а потому — манящие.

— Я вернусь, — пообещала Га. — Обязательно. Но потом, через время.

Птицедевы улыбнулись. Только у Сирина по щеке скатилась новая слеза. Ведьма в который раз потрепала девочку по голове и аккуратно коснулась алого цветка в ее волосах.

— Тогда пустим твоих помощников вперед, пусть летят и разведают твою дорогу! — Ведьма кивнула птицедевам.

Первой в небо вспорхнула дева Алконост. Она приветственно махнула девочке рукой, не прощаясь, обещая новые встречи. Из-под крыльев маленькими цветными вихрями закружили цветы щедрого лета: желтые тысячелистники, голубые колокольчики, розовые мальвы, коричневатые бархатцы, белые ромашки, пестрые гвоздики и петунии. Цветные облака вспыхнули и рассыпались плавно опадающими лепестками.

— Наше лето скоротечно, — сказала Ведьма. — Оно теплое и яркое. Зовет к отдыху и